

А.В. Соболев

О духовно-нравственной атмосфере в семье Трубецких

Публикуемые ниже фрагменты из воспоминаний¹ Григория Николаевича Трубецкого (1873–1929) посвящены его старшему брату Сергею Николаевичу, выдающемуся философу, первому избранному ректору Московского университета, и младшей сестре Марине. Но, предворяя эту публикацию, я хочу подчеркнуть, что сама эта семья является, на мой взгляд, выдающимся памятником культуры. То, что она дала России трех выдающихся философов, – совсем не случайно. Сама духовно-нравственная атмосфера, сложившаяся в этой семье, была как бы заряжена философичностью. Но что такое – философичность мысли? На этот труднейший и очень важный вопрос невозможно ответить, не прибегая к намекам и метафорам. Я думаю, что философичность предполагает, с одной стороны, так ценимую С.С.Аверинцевым «несмутимую внятность, благую членораздельность» мысли, но, с другой стороны, способность самой тональностью нашей речи выразить меру условности этой «внятности» и ее ситуационную обусловленность. Философичность мысли также предполагает острое переживание того, что только верно интонированная речь (о чем отлично осведомлены драматические актеры) способна передать «многомерность» философской мысли, присутствие в ней не только рационального, но также художественного и религиозного измерения, т. е. присутствие в ней ярко выраженной «глубины».

Трудность состоит в том, что в отличие от науки, где глубина или высота измеряется путем сопоставления с «вещью» и выражается числом, в философии мыслитель только путем собственного духовного возрастания может создать из своей личности «прибор», способный «измерять» духовную «глубину» или «высоту» явлений.

В семье Трубецких так уж сложилось, что главными средствами «углубления» души, воспитания способности различения между «выше» и «ниже», а также радостной устремленности ввысь явились музыка и духовно-нравственный пример родителей. «Мой отец, – вспоминает Григорий Николаевич, – был необыкновенной доброты и незлобности <...> При этом никогда никакое мелкое чувство и мелкая мысль не имели доступа в его чистое сердце. Ему органически были чужды тщеславие и зависть. Ему дана была простота от Бога <...> Только получившие дар Божий чистоты сердца могут быть так просты и непосредственны <...> быть так цельны и настолько чужды мысли и старания чем-то такое казаться, а не просто быть. Изю всех детей моего отца в наибольшей мере этот дар непосредственности был унаследован моим братом Евгением <...>

Но главным его интересом и его страстью была музыка <...> Для чистых душ музыка это та же молитва <...> Вот эта музыка-молитва звучала в чистой душе моего отца так же, как и моего брата <...>»²

О принципах воспитания в семье философов Трубецких ярко свидетельствует также письмо их матери. «Еще до рождения детей, – пишет она своим сестрам, – во время беременности, я молилась и особенно любила слова: “Даруй им души всеразумные к прославлению Имени Твоего”. Дай Бог, чтобы до конца жизни сыновья мои продолжали искать свет и совершенствовались по возможности. Высшего счастья нет на земле. Я мечтаю о том, чтобы со временем они были миссионерами. Но миссионерами не в Японии и даже не в России, а в своей собственной среде. Лишь бы гордость не примешалась к желанию распространения истины. Если двигателем будет сознание обязанностей, возлагаемых на них тем сокровищем веры, которое дано им от Бога, тогда нет места гордости»³.

Приведя в своих воспоминаниях эти строки Софьи Алексеевны, ее младший сын, автор цитируемых воспоминаний, восклицает: «Господи Боже мой! Когда я читаю это письмо, по неизреченной милости Божией сохранившееся в копии у меня в беженстве, – слезы умиления и благодарности проступают у меня в душе, и я думаю: может ли погибнуть страна, где есть такие матери, которые так думают, так чувствуют и так молятся <...> Пусть рухнет, что тлен, пусть отгорят все фейерверки человеческой пошлости. Огнем познается всякое дело. Но не умрет и не погаснет то, чем из века в век жила Россия. Молитвы русских матерей и молитвы русских праведников не останутся не услышаны перед Престолом Господа, и да оправдают их дела сыновей»⁴.

И сыновья в полной мере оправдали молитву матери. В том числе и сам автор этих воспоминаний – дипломат, бывший посланником в Сербии, а затем в беженстве один из создателей центра русского правосла-

вия, Сергиевского подворья недалеко от Парижа. Здесь, я думаю, уместно привести слова, сказанные о нем по поводу его смерти видным историком русской Церкви А.В.Карташевым.

«Умер наш боярин Григорий <...> Из высокоталантливой семьи рода Рюриковичей⁵. Эти даровитые варяги нашего времени не замерли и не оскудели духом в отрыве от своего народа, как случилось со многими другими. В духовном труде и подвиге культуры Трубецкие неленостно напрягали свои моральные мускулы, чтобы сообща вести воз русской культуры, в который быстро впрягались все новые и новые силы из толщи народной. Они служили мостом, соединявшим источники высокого культурного предания, благородной наследственности и – с другой стороны – девственной силы народной, поднимавшейся навстречу просвещению <...>

Князь Григорий Николаевич был, как его старшие и великие братья, воплощением образа нашей старой аристократии крови и дарований. Образование, ум, семейные заветы высокого идеализма и более чем рыцарское, я сказал бы русско-рыцарское, блюдение моральной чистоты, бескорыстия и благоволения к людям – вот что влекло к нему всех знавших его... Цари, князья, иерархи, политики, философы, литераторы имели его своим советником и другом. От таких людей, чтимых столь многими, прежде начинались династии...»⁶.

Быть может, это вызовет у кого-то раздражение, а по причине раздражения и нежелание вдуматься, но я все же в дополнение к сказанному А.В.Карташевым приведу слова Н.А.Бердяева из книги с шокирующим названием «Философия неравенства». «...Объективная, незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но и как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела <...> Подбор благородных черт характера совершается тысячелетиями. Психических результатов этого долгого процесса не могут истребить никакие революции»⁷.

Конечно, истребить революция может многое. Но ценности и ей не по зубам. И тем, кого слова Бердяева раздражают, лучше бы совершить ценностную революцию в своей собственной душе и начать в себе самом культивировать «благородные черты характера», а затем завещать своим детям продолжить путь духовного возрастания. Глядишь, через три-четыре поколения потомки уже не с раздражением, а с благодарностью будут читать процитированные бердяевские строки. Особенно такая ценностная революция необходима тем, кто выбрал для себя философскую стезю, и им я хочу, в который уж раз, напомнить великие слова Платона о том, что благородство есть непременно условие философичности мысли.

«В том-то и состоит ошибка нашего времени, – убеждал своих учеников Платон, – и потому-то недооценивают философию, что за нее берутся не так, как она того заслуживает <...> Не подлым надо бы людям за нее браться, а благородным»⁸.